

ЛІНГВОФІЛОСОФІЯ ТА МЕТОДОЛОГІЯ ЛІНГВІСТИЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

УДК 81-112.2

АЛЕКСЕЕВ А. Я.
(Национальный горный университет)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И МОРФОНЕМИКА

Статья посвящена основным словообразовательным категориям, их тесной связи с морфонемикой, а также их роли в создании формы и значения деривата.

Ключевые слова: деривация, словообразовательная категория, формант, дериват, морфонемика.

Алексеев А.Я. Словотворення і морфонемика. У статті розглядається місце і роль дериваційних категорій у створенні форми і значення деривата у тесному зв'язку із морфонемикою.

Ключові слова: деривація, словотворча категорія, формант, дериват, морфонемика.

Alekseev A.Ya. Word-building and morphophonemics. The article deals with the problem of derivational categories' place and role in the derivative word's form and meaning creation in close relation to morphophonemics. Some native linguists still seem to ignore the rules of morphology. As a rule, it results in the incorrect conclusions about the form and the meaning of one or another word-building affixes. Consequently, the authors postulate the fact that the language has some separate independent derivational formants. Such postulates are made about the cases which should be actually classified as overlapping, apocope/syncope or morph's dropping in the process of word formation. It means that such authors deny essential features of formatives interacting in the process of new word production, i.e. variative, synonymous, homonymous and polysemic relations existing between the productive basis, the word-building formant and the derivational model. From this perspective it is also impossible to explain the stylistic significance of the derivative word. The latter makes any investigation of cognitive processes in Derivatology the lame one, not meeting the tasks of modern Linguistics.

Key words: derivation, word-building category, formant, derivative word, morphophonemics.

Проблемы развития общественных отношений и всего того, что связано с бытием *homo sapiens*, особенно его языка, всегда занимали умы ученых всех эпох, всевозможных философских школ и литературных направлений. В итоге они служили, служат и будут служить крепким фундаментом для дальнейшего познания человека, его идеального мира и окружающей его материальной действительности. Существующая цикличность в развитии мироздания влечет за собой поступательное развитие общественного сознания и всех формирующих его сфер, включая речевую деятельность. Именно поэтому язык находится в постоянном движении, а изучение путей совершенствования и обогащения его лексического состава всегда было, есть и будет также актуальным. Ученых продолжают по-прежнему интересовать инновационные процессы, которые происходят в языке на каждом конкретном этапе его развития, всевозможные изменения и сдвиги в тех или иных его подсистемах или составляющих его различных лексических стратах. Так, наметилась тенденция к переосмыслению словообразовательного механизма языка в целом, к изучению роли когнитивных процессов в порождении нового слова, что имеет своей целью выявление когнитивно-дискурсивного механизма развития языковой картины конкретного этноса, к расширению охвата изучаемого языкового материала, изучению новых сфер функционирования языка и т.д. При этом современному исследователю не всегда удается воспользоваться богатейшим лингвистическим опытом своих предшественников, посвятивших себя разработке и решению теоретических и практических задач в той или иной сфере лингвистического знания, в том числе и области деривации.

Глубокое изучение словообразовательных процессов различных языков позволило, как известно, во второй половине прошлого столетия обосновать и выделить в самостоятельную лингвистическую дисциплину науку о словообразовании – дериватологию – с ее яркими отечественными и зарубежными представителями (М. Д. Степанова, Е. С. Кубрякова, Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, И. С. Улукханов, Ф. Г. Олье, Л. Гильбер, Ж. Дюбуа, В. Фляйшер, Г. Марчанд (Маршан) и многие другие). Они разработали основные принципы теоретического и практического словообразовательного

анализа, не подменяющего собой основы традиционного морфологического анализа лексемы. В этой связи достаточно вспомнить 50-60 гг. прошлого века. Этот период советской лингвистики ознаменовался, кроме прочего, глубокой разработкой теории мельчайших смысловых единиц языка под влиянием работ крупнейшего французского лингвиста А. Мартине. Это привело к реанимации сложившейся еще в 19 в. междисциплинарной отрасли лингвистики – морфонологии, или морфонемике, одной из основных задач которой является осуществление, поддержание или усиление дифференциации форм на морфологическом уровне [ЛЭС 1990, 315], без которой невозможно объяснить наблюдающиеся в словообразовательной системе языка многочисленные «аномалии», особенно формально-семантические сдвиги в процессе рождения деривата. Именно И. А. Бодуэн де Куртенэ как один из ее основоположников выдвинул идею о функциональном характере чередований в морфеме и их морфологической обусловленности. Однако встречающиеся (пока редко) исследования в области дериватологии предают забвению основные законы и принципы морфонемике, без учета которых невозможно представить цельность и достоверность как морфологического, так и словообразовательного анализа. Такие исследования грешат поверхностными умозрительными заключениями о форме и значении участвующих в словообразовательном акте мотивирующей основы, деривационного форманта и словообразовательной модели [Косович 2015].

Однако словообразование, как любая другая лингвистическая наука, имеет свою основную единицу изучения – дериват (или мотивированную, производную основу), в создании которой принимают участие мотивирующая (производящая) основа и словообразовательный формант, которые взаимодействуют между собой по определенной схеме (модели) в рамках того или иного словообразовательного типа для выражения конкретного словообразовательного значения [Алексеев 2006]. Таким образом, дериватология оперирует специфическими для нее категориями, без которых не может обойтись сколько-нибудь имеющий отношение к словообразованию этюд. На современном этапе развития лингвистики взаимодействие указанных словообразовательных категорий необходимо рассматривать (а не только декларировать!) через призму когнитивной парадигмы знания, давшую возможность изучать языковые единицы и сопровождающие их процессы на всех без исключения уровнях его структуры.

Отечественной романистике известны многочисленные исследования в области суффиксальной и префиксальной деривации, парасинтеза, словосложения, телескопии, аббревиации. Эти изыскания свидетельствуют, что, например, суффиксальное словопроизводство в современном французском языке успешно развивается на базе исконной и книжной основе (И. А. Цыбова), в научно-технической подсистеме (В. Г. Гак), в разговорной речи (А. Я. Алексеев), в художественной речи (С. В. Райлян), в поэзии (М. П. Румлянский). То, что эти способы образования лежат в основе инновационных процессов современного французского языка, свидетельствует и указанное исследование О. В. Косович. Богатый фактический материал онлайн-овых разножанровых изданий хорошо иллюстрирует роль и место каждого из указанного способов образования новых лексических единиц во французском языке, несмотря на весьма спорные отдельные моменты, которые касаются прежде всего анализируемых новообразований и их составляющих. Так, нежелание понимать, что суффиксы (как и префиксы) являются специфическими морфемами, и они как морфемы характеризуются всем спектром присущих им отношений не только в парадигматике, но и в синтагматике, приводит к многочисленным некорректным заключениям относительно их формы и значения.

Но при рассмотрении словообразовательного потенциала любого языка, особенно продуктивности/непродуктивности тех или иных суффиксов необходимо исходить, прежде всего, из четкого для себя понимания основных категорий и понятий словообразования как самостоятельной отрасли лингвистики (семантической структуры деривационной морфемы с присущей ей как знаку формой и содержанием и, соответственно, со свойственным ему вариативными, полисемическими, омонимическими, синонимическими отношениями в

словообразовательной системе языка; двупланности словообразовательной модели, характеризующейся в плане содержания общим словообразовательным значением для всех видов дериватов данного типа, а в плане выражения – общей структурой). Ведь недостаточно констатировать тот или иной суффикс в новообразовании, а необходимо уточнить его семантику, так как семантика производной основы опирается на семантику производящей основы и словообразовательного форманта, на значение словообразовательной модели (типа). Эти основные постулаты дериватологии нередко понимаются расплывчато, что влечет за собой довольно свободный и поверхностный анализ рассматриваемых способов образования новых лексических единиц. А ведь новообразование закрепляется в языке при наличии у него парадигматических отношений (П. А. Соболева), а его семантика – факт не только словаря, но и грамматики (Г. А. Золотова) и если это не забывать, тогда бы **ardeur**, **senteur** не выражали действие или результат действия (Коссович, с. 77). Можно также оспорить суждение автора о суффиксе **-itude** и его словообразующей активности. Некорректно, с моей точки зрения, рассматривать лексические единицы **branchitude**, **sincérité**, **vertitude** и др. как объединение двух базовых лексем для «створення слова-контаміната типа *garce + attitude*». С точки зрения синхронного словообразования во всех указанных единицах наличествует один словообразовательный шаг и нет никакой телескопии. И говорить здесь о «трех типах суффиксации» с **-itude** совсем некорректно: речь может идти только о вариативности (полисемии, омонимии) одной словообразовательной модели **N1 + -itude = N2**, и образования с этим суффиксом не могут «выходить за границы суффиксальной системы»: если **-itude** – это суффикс, то как можно дериваты с ним выносить за границы суффиксальной системы? (с. 85).

Не менее интересен подход автора и к суффиксам **-erie** и **-rie**. Утверждается, что «відіменникові інновації формуються с **-rie** від основи кореня (?) слова: так, **moquetterie** образовано по схемі **moquett e rie**, **parasolerie** – **parasol e rie**» и т. д. Здесь две некорректности: во-первых, есть только один суффикс **-erie**, во-вторых, указанные производные имеют корни соответственно **moq-** и **-sol-** и производящие основы **moquett-** и **parasol-**. В данном случае словообразовательный анализ подменяется морфологическим и не замечается наложение графемы **e** суффикса **-erie** на графему **e** производящей основы. Поэтому говорить о двух разных суффиксах в дериватах, образованных по одной и той же словообразовательной модели, забывая о наличии при словообразовательном акте процессов наложения, усечения, вариативности морфов взаимодействующих формативов не приходится. Немудрено в этой связи, что автор говорит то о суффиксе **-erie**, то о суффиксе **-rie** одного и того же деривата (ср. примеры с **steakerie**, **tarterie** и др. на с. 86-87).

Что касается суффиксации, то не могу не остановиться еще на одном спорном утверждении. Так, форманты **-tique**, **-itique**, **-atique** рассматриваются автором как усечение от **informatique**, где **-ique** передает значение «в связи с информатикой» (с. 98). Такое утверждение более чем странно, так как все отмеченные суффиксы не имеют никакой привязки к **informatique**, они являются вариантами одного и того же суффикса **-ique**, а асемантические прокладки (или интерфиксы) обусловлены морфологической спецификой производящих основ, их семантической валентностью наряду с валентностью форманта, а также самой словообразовательной моделью (то же наблюдается относительно серии «самостоятельных» суффиксов **-tion**, **-ition**, **-ation**, **-isation** и т.д.). Кстати, этот суффикс продуктивен не только во французском языке, но и в русском. Ср.:

Le parquet n'a pas informé le gouvernement de la **géolocalisation** de Sarkozy (Э. Вальс о поездке Саркози в Крым).

Россия не хочет, чтобы ситуация в Сирии **сомализировалась** (С. Лавров о разрастающемся конфликте в Сомали).

Происходит **цифrofизация** экономики (Телевидение).

Если в образовании неологизмов, например, на **-rie** (по автору) прототипом в **bouclerie** будет **boucle**, в **bouquetterie** **bouquet** и т.д., то напрашивается ряд вопросов: что такое прототип?, какой прообраз имеется ввиду?, почему в **bouquetterie** референтом

является **fleuriste**? (с. 88), где значение производящей основы и суффиксального форманта? значение самой модели? В дериватах **grotesque** и **gigantesque** значения качества (1) или количества (2) не привносятся суффиксом **-esque** (с. 107): соответствующие семы (значения) заложены в самих производящих основах, а в **livresque** нет никакого нарушения нормы – это прозрачная словообразовательная модель.

Некорректные исходные теоретические положения и забвение кардинальных постулатов дериватологии приводят и к некорректности определения статуса отдельных префиксов. Например, трудно согласиться с тем, что **auto-, bio-, euro-, eco-** являются основами в соответствующих многочисленных новообразованиях. На наш взгляд, эти комплексы уже давно стали префиксоидами, потому что каждый из них образует внушительную словообразовательную парадигму, в которой есть место и существительным, и прилагательным, и глаголам. Не менее интересным есть утверждение автора, (с. 117) что **euro-** может иметь усеченную форму **eur-** (но примера нет), что **euro-** «актуализирует оценочное значение неологизма, которое указывает на позитивные или негативные моменты, связанные с Евросоюзом» (с.118). Естественно полагать, что в дериватах с этим префиксоидом оценка содержится в семантике производящей основы или в значении самой модели, а не в **euro-**. Все это в итоге заставляет поставить вопрос: рассматривать ли дериваты с указанными комплексами как продукт аффиксальной деривации или как результат словосложения (если это основы, по мнению автора)? Если это – дериваты, тогда **auto-, bio-, euro-, eco-, cyber-** и т.д. – это префиксоиды, если это – словосложение – тогда они являются одной из мотивирующих основ мотивированного образования. Однако наличие с ними широкого спектра образований говорит о том, что это префиксоиды (ср. **mini-, maxi-**). И еще, разве функция **cyber-** в **cyberculture** и **cybernetique** одна и та же, что это - основа (как считает автор)? Да, в **cybernetique** это основа, а в **cyberculture** (и в других новообразованиях с **cyber-**) – это префиксоид.

Во многих отмеченных выше случаях полностью игнорируется одна из кардинальных особенностей словообразовательных отношений в языке – валентностные особенности производящих основ и формантов, нарушение которых всегда приводит к созданию ярких в стилистическом плане, «необычных» дериватов. Теория валентности с словообразованием была разработана в основополагающих трудах проф. М. Д. Степановой в середине прошлого столетия не без влияния известной теории актантов Л. Теньера в структуре языка. Другими словами, в словообразовании, также, как в лексике и синтаксисе, есть своя **норма**, игнорирование которой чревато неадекватной трактовкой роли и функции производного в тексте. Потому что нередко при образовании номинативной единицы происходит функциональное перераспределение дифференцирующих сем: главное (например, отглагольный признак) становится второстепенным, а второстепенное (стилистическое значение) – главным. Сравним в этой связи отглагольные прилагательные **regardant** и **regardable**. Оба образуются от стилистически нейтрального глагола *regarder*, но несут в себе уже дополнительную нюансировку при передаче инвариантного значения – отглагольного признака. Так, **regardant** квалифицируется как фамильярное, так как его семантика концентрируется на выражении не нейтрального отглагольного признака **qui regarde**, а его фамильярно-разговорного оттенка **qui regarde de trop près** с уточнением сферы действия данного признака-качества **qui regarde de trop près à la dépense**. Именно этот фактор оказывает действенное влияние на семантику **regardant**.

Такую же интерференцию семантических признаков, только с еще большей активизацией стилистических сем, наблюдаем в **regardable** с сильной просторечной коннотацией. Ср.:

- Quand je t'ai connu, Eugénie, tu n'étais pas **regardable** en face. Comme le soleil t'étais, Eugénie (G.Chevallier, 143).

Оттенок **regardable** подчеркивается не только микро-, но и макро-контекстом, а ясность модели способствует его пониманию.

В заключение подчеркнем, что морфонемика, оперируя мельчайшими формально-дифференцирующими элементами (своего рода смыслоразличительными признаками алломорфов), играет не последнюю роль в понимании сути словообразовательных процессов, ведущих к формированию законченного по форме и целостного по содержанию деривационного продукта. Ее можно сравнить с системой капилляров, питающей весь языковой организм и создающей неиссякаемые предпосылки для его успешного функционирования в неразрывной связи с национальной спецификой языковой и когнитивной картины мира его носителей. Раскрытию этой специфики способствовал бы и концептуальный анализ соответствующих словообразовательных парадигм и словообразовательных гнезд, базирующийся на фреймовом подходе в целом, что в итоге помогло объективно (а не интуитивно!) выявить семантическое наполнение новообразования, включая его стилистику.

Литература

- Алексеев А.Я. О некоторых тенденциях во французском словообразовании // Типология мовних значень в діхронічному та зіставному аспектах. Донецьк: ДонНУ. 2006. - Вип. 13. - С. 5-11.
- Алексеев А. Я. Сопоставительная стилистика [Текст]: учебное пособие / А.Я. Алексеев. – Д.: НГУ, 2012. – 457 с.
- Большой энциклопедический словарь (БЭС) [Текст] / М.: Рипол классик, 2010. – 682 с.
- Коссович О.В. Інноваційні процеси в лексиці сучасної французької мови (на матеріалі онлайн-видань): Дис... доктора філол. наук: спец. 10.02.05 / О.В. Косович. – Київ, 2016. - 528 с.
- Chevallier G. Clochemerle / G. Chevallier. – Paris: PUF, 1934. - 434 p.

УДК 81'22-11:164.02

АНДРЕЙЧУК Н. І.

(Львівський національний університет імені Івана Франка)

ТЛУМАЧЕННЯ МОВНОГО ЗНАКА В ЗАГАЛЬНІЙ ТЕОРІЇ ЗНАКІВ Ч. С. ПІРСА: ФІЛОСОФСЬКЕ ПІДґРУНТЯ

У статті розглядаються філософські засади тлумачення мовного знака в семиотичному проекті Ч. С. Пірса. Точкою відліку для розгляду прагматизму Пірса обрано запропоновану ним систематизацію наук. Показано зв'язок фундаментальних категорій першості, другості та третьості, випрацьованих Ч. Пірсом у феноменології, з категоріями семиотики. Розглянуто вагомість цих категорій для розуміння ознак, що покладені в основу трьох класифікацій знаків. Уточнено розуміння символічної природи мовного знака.

Ключові слова: Ч. Пірс, систематизація наук, феноменологія, семиотика, категорія першості / другості / третьості, трихотомія, знак, мовний знак.

Андрейчук Н.И. Толкование языкового знака в общей теории знаков Ч.С.Пирса: философская подоплека. В статье рассматривается философское обоснование истолкования языкового знака в семиотическом проекте Ч.С.Пирса. Точкой отсчета для рассмотрения прагматизма Пирса избрано предложенную ним систематизацию наук. Показана связь основоположных категорий первичности, вторичности и третичности, разработанных Ч. Пирсом в его феноменологии, с категориями семиотики. Рассмотрено весомость этих категорий для понимания признаков, положенных в основу трех классификаций знаков. Уточнено понимание символической природы языкового знака.

Ключевые слова: Ч. Пирс, систематизация наук, феноменология, семиотика, категория первичности / вторичности / третичности, трихотомия, знак, языковой знак.

Andreichuk N. I. *Lingual sign as treated in Ch. S. Peirce's general theory of signs: philosophical foothold.* This paper attempts to explore some potential contributions of Ch. S. Peirce's philosophical ideas to the development of his semiotic theory. The author tries to provide evidence that Peirce's semiotics was something more than a mere descriptive catalogue of signs in use and that he was looking for connections and generalizations. The starting point of the author's analysis is to indicate the place of semiotic in the scope of sciences. It is shown that Ch. Peirce applied the term „logic” to define the science of the necessary laws of thought that always takes place by means of signs, therefore he extends logic to embrace all the necessary principles of semeiotic. The analysis of the major line of argument in Peirce's works on the categories of Firstness, Secondness and Thirdness is provided and the meaning of his definitions is clarified. Basic ideas of Peirce's semeiotic or the general theory of signs are discussed and the connection of his three trichotomies of signs with the mentioned philosophical categories is substantiated. The generalized representation of sign relations in three different trichotomies of signs is suggested. Special attention is paid to the well-known – though not very well understood – division of signs into icons, indices, and symbols, since this particular trichotomy throws a very special light on Peirce's ideas of lingual sign. The symbolic sign is discussed in connection with the traditional problem of accounting for the generality of ideas or words. The author comes to the conclusion that though lingual signs are but one type of signs on Peirce's view, but it is of the essence of Peirce's theory that the nature of other sorts of signs must be taken into account for the proper understanding of lingual ones.

Key words: Ch. Peirce, systematization of sciences, phenomenology, category of Firstness / Secondness / Thirdness, trichotomy, sign, lingual sign